

МЕЖДУ ДВУМЯ ОГНЯМИ 2 ПЕПЕЛ И СВЕТ

18+

ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ

Джон Запретный

Между двумя огнями

2: Пепел и свет

<https://litres.ru/74598034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна думала, что знает, что такое боль. Она ошибалась. После того как Дмитрий — существо тьмы, играющее на человеческих слабостях, — нашёл их убежище, жизнь превратилась в изошрённую пытку. Он не торопится наносить удар. Он наблюдает. Он ждёт. И его терпение — самое страшное оружие.

Анна не может выбрать. И не потому, что не хочет — потому что не знает, как. Она спит с одним, думая о другом. Целует второго, чувствуя вину перед первым. Она врёт обоим — не словами, а молчанием. И с каждым днём стыд разъедает её изнутри, как кислота. Она пытается заглушить пустоту близостью, но после каждого раза чувствует себя ещё более грязной.

«Между двумя огнями. Пепел и свет» — это история о предательстве и прощении, о стыде и мести, о любви, которая не спасает, но всё ещё живёт внутри. О том, что иногда нужно сгореть дотла, чтобы понять: пепел — тоже начало. И о том, что самый страшный монстр — не тот, кто приходит извне, а тот, кто живёт внутри нас.

Содержание

Тот, кто смотрит в окна	4
Что скрывает Александр	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джон Запретный

Между двумя огнями

2: Пепел и свет

Тот, кто смотрит в окна

Двигатель внедорожника стих где-то вдалеке, за деревьями, и только тогда Анна поняла, что всё это время стояла, вцепившись пальцами в спинку стула. Пальцы онемели. Она разжала их с трудом, будто они примерзли к дереву.

В доме было тихо. Не так, как бывает тихо ночью, когда все спят. Другая тишина. Густая, липкая, как смола. Она забивалась в уши, в горло, мешала дышать. Анна слышала, как где-то на кухне капает вода из крана. Каждая капля падала в эту тишину, как удар молотка.

Александр отошёл от окна. Его лицо было серым, как пепел. Он смотрел не на Анну, не на Илью, а куда-то в стену, будто видел там что-то, чего не видели они. Его челюсть была сжата так сильно, что на скулах проступили желваки.

Илья стоял в дверях кухни. В руке у него была банка пива, которую он так и не открыл. Он смотрел на Александра, потом на Анну, потом снова на Александра. Его лицо ничего не выражало. Совсем ничего. Это было хуже, чем злость.

Хуже, чем страх. Это было лицо человека, который только что увидел что-то, чего не мог объяснить, и теперь ждал, что кто-то другой объяснит ему, что это был сон.

Никто не говорил.

Первым не выдержал Илья.

— Что это было? — спросил он. Голос был ровным, но в нём чувствовалась трещина, как в стекле, по которому ещё не пошли лучи, но которое уже нельзя починить.

Александр молчал.

— Александр, — Илья шагнул вперёд, — я задал вопрос. Что это было?

— Ты видел, что это было, — ответил Александр. Он не повышал голоса. Говорил тихо, почти без выражения. — Это был Дмитрий.

— Дмитрий, — повторил Илья, будто пробуя это имя на вкус. — Дмитрий. Человек, о котором вы мне рассказывали. Существо тьмы. Я видел машину. Чёрный внедорожник. И человека за рулём. Который смотрел на нас. Который улыбался. Это всё, что я видел. И теперь ты говоришь мне, что это был Дмитрий. Я хочу понять. Что это значит? Что он делает? Почему он уехал? Почему не попытался войти? Почему ты стоишь здесь с таким лицом, будто мы все уже умерли?

Александр повернулся к нему. Медленно. Он смотрел на Илью так, будто видел его впервые. Или будто видел насквозь. Анна знала этот взгляд. Она видела его в кафе, когда Дмитрий ворвался внутрь. Она видела его на дороге, когда

Александр говорил ей, что Дмитрий не отступит. Это был взгляд человека, который знает что-то, чего не знают другие. И который ненавидит себя за это знание.

— Он не вошёл, потому что не хотел, — сказал Александр. — Он не попытался войти, потому что ему это не нужно. Он приехал, чтобы мы знали, что он рядом. Чтобы мы не спали. Чтобы мы думали о нём каждую минуту. Чтобы мы начали бояться. Настоящий страх начинается не тогда, когда тебя бьют. А тогда, когда ты ждёшь удара. Он хочет, чтобы мы ждали. Он хочет, чтобы мы измотали себя ожиданием. Чтобы к тому моменту, когда он действительно придёт, у нас не осталось сил.

Илья слушал. Его лицо медленно менялось. Трещина становилась шире. Анна видела, как он пытается уложить это в голове. Как он ищет логику там, где логики не было. Как он пытается найти объяснение, которое не требовало бы от него поверить в то, во что он не хотел верить.

— Ты говоришь так, будто знаешь его, — сказал Илья. — Ты говоришь так, будто знаешь, что он сделает. Откуда? Откуда ты всё это знаешь?

Александр не ответил сразу. Он прошёл мимо Ильи на кухню. Анна слышала, как он открывает кран, наливает воду в стакан. Слышала, как он пьёт. Медленно, будто каждый глоток давался ему с трудом. Потом он вернулся. Встал в дверях гостиной. Скрестил руки на груди.

— Я знаю его, потому что мы не всегда были врагами, —

сказал он. — Когда-то мы были по одну сторону. Очень давно.

Илья открыл рот, чтобы что-то сказать, но Анна перебила его. Впервые за всё это время она заговорила.

— Он приезжал не просто так, — сказала она. Голос был хриплым, как будто она долго молчала. — Он приезжал посмотреть. На меня. Я это почувствовала. Когда он сидел в машине. Он смотрел не на дом. Он смотрел на меня. Через окно. Через стекло. Через стены. Я не знаю, как это объяснить. Но я это почувствовала. Как холод. Как будто кто-то провёл пальцем по спине. Медленно. Сверху вниз. Позвонок за позвонком.

Она замолчала. Александр смотрел на неё. В его взгляде было что-то такое, от чего у Анны сжалось горло. Что-то похожее на жалость. Или на страх. Или на вину.

— Ты права, — сказал он тихо. — Он смотрел на тебя. Он всегда смотрит на тебя. Ты для него не просто цель. Ты для него... — он замолчал, подбирая слово, но не нашёл. — Ты для него важно. Очень важно. И пока ты жива, он будет возвращаться.

Илья резко поставил банку на стол. Пиво даже не открылось, но звук был громким, как выстрел.

— Хватит, — сказал он. — Хватит говорить загадками. Ты сказал, что знаешь его. Так объясни. Кто он? Кто ты? Что здесь вообще происходит? Я не понимаю. Я не понимаю, почему мы сидим в этом доме, в лесу, как преступники. По-

чему ты ведёшь себя как телохранитель из фильма. Почему Анна смотрит на тебя так, будто ты единственный человек в мире, который может её спасти. Я хочу понять. Я имею право понять, потому что я здесь. Я в этом. Хочу я того или нет.

Александр посмотрел на него долгим взглядом. Потом на Анну. Анна опустила глаза. Она не хотела видеть то, что было в его взгляде. Она не хотела видеть, как он решает, стоит ли говорить правду. Она не хотела знать, что будет после этой правды.

— Я расскажу, — сказал Александр. — Но не сейчас. Сейчас ночь. Сейчас мы все устали. Сейчас мы все напуганы. Если я начну рассказывать сейчас, вы не поймёте. Вы услышите слова, но не услышите смысл. Утром. Утром я расскажу всё. Обещаю.

Илья хотел что-то сказать. Анна видела, как он напрягся, как сжал кулаки. Но он промолчал. Он посмотрел на Анну. Долго. Так, как смотрят на человека, которого хотят понять, но не могут. Потом он развернулся и ушёл в свою комнату.

Дверь закрылась. Анна осталась в гостиной одна с Александром. Точнее, не одна. Но так, будто была одна. Он стоял в дверях кухни, она сидела на диване. Между ними было метров пять. И эти пять метров казались километрами.

— Ты не сказал ему, — тихо сказала Анна.

— Что именно?

— Про нас.

Александр молчал. Анна смотрела на свои руки. На паль-

цы, которые всё ещё дрожали. На кулон, который лежал на груди. Металл был холодным. Она сжала его в ладони, но теплее не стало.

— Я не знаю, что говорить, — ответил Александр наконец. — Я не знаю, что произошло. Я не знаю, что это было. И я не знаю, что с этим делать.

Анна подняла глаза. Он смотрел на неё. В его взгляде не было ничего, что она могла бы назвать. Ни любви, ни злости, ни боли. Только пустота. И эта пустота была хуже всего.

— Это было ошибкой, — сказала она. Слова вышли сухими, как песок. — То, что произошло. Это была ошибка.

Александр не ответил. Он просто кивнул. Один раз. Медленно. И вышел из гостиной. Анна слышала, как он поднимается по лестнице. Как скрипят ступени. Как закрывается дверь его комнаты.

Она осталась одна.

Дом был полон звуков. Это было странно. Тишина не была тишиной. В ней жили шорохи. Ветер за окном. Где-то в стене скреблась мышь. Капала вода на кухне. Скрипело дерево. Всё это Анна слышала так отчётливо, будто звуки стали громче в десять раз. Может быть, это был страх. Может быть, это был адреналин. Может быть, это было то, что бывает с человеком, который не спал уже очень долго.

Она встала. Прошла на кухню. Налила себе воды. Выпила. Вода была холодной, и это было приятно. Холод помогал не думать. Холод давал хоть что-то, кроме страха.

Она посмотрела в окно. За окном был лес. Тёмный, густой, как стена. Ничего не было видно. Только ветки. Только тьма. Но Анна всё равно смотрела. Она смотрела долго. Так долго, что глаза начали болеть. И когда она уже собиралась отойти, ей показалось, что где-то между деревьями мелькнуло что-то. Свет. Или не свет. Тень. Что-то, что двигалось не так, как двигаются ветки на ветру.

Она замерла. Вгляделась. Ничего. Лес был пуст. Может быть, показалось. Может быть, нет.

Анна отошла от окна. Села на стул. Обхватила себя руками за плечи. Её знобило. Не от холода. От чего-то другого. От того, что живёт внутри, когда ты знаешь, что за тобой наблюдают.

Она просидела так до утра. Не спала. Не могла. Каждый раз, когда она закрывала глаза, она видела лицо Дмитрия. Его улыбку. Его глаза. Он смотрел на неё из темноты. И эта темнота была не за окном. Она была внутри. Внутри неё.

Анна думала о том, что произошло в доме Дмитрия. О том, как он говорил с ней. О том, как менялся. О том, как свет мерцал, и воздух становился тяжёлым, и голос его звучал не как голос человека, а как что-то другое. Что-то, что приходило из глубины. Из самого сердца тьмы. Она думала о том, что он сказал. «Ты будешь частью этого». Что это значит? Что это может значить?

Она думала об Александре. О том, как он появился в кафе. О том, как свет исходил от него. О том, как он сказал,

что он ангел. Ангел. Это слово звучало в её голове, как чужое. Как слово из другой жизни. Как слово из книги, которую читаешь перед сном, а потом забываешь. Но это было не слово. Это была реальность. Он был ангелом. Он был её защитником. И он любил её. Она знала это. Она чувствовала это. И она использовала это. Она пришла к нему ночью. Она хотела забыться. Она хотела, чтобы он помог ей не думать. И он помог. А потом она ушла. И теперь она не знала, как смотреть ему в глаза.

Она думала об Илье. О том, как он появился в баре. О том, как легко с ним было. О том, как он держал её за руку. О том, как он смотрел на неё. Как на что-то драгоценное. Как на что-то, что можно потерять. И она знала, что если он узнает правду, он не сможет этого вынести. Он не сможет понять. Он не сможет простить.

Она думала о себе. О том, кем она стала. О том, что она делала. О том, что она вралась. Обоим. Молчанием. Улыбками. Прикосновениями. Она вралась, когда говорила, что всё хорошо. Вралась, когда улыбалась. Вралась, когда молчала. Она вралась каждым своим движением. И она ненавидела себя за это. Но остановиться не могла. Потому что остановиться означало выбрать. А выбрать она не могла. Потому что выбор означал потерю. А терять она боялась больше, чем врать.

Так прошла ночь.

Утро пришло серое и тихое. Дождь не шёл, но воздух был влажным и тяжёлым. Анна вышла на крыльцо. Она не пом-

нила, как оказалась там. Просто вышла. Просто вдохнула воздух. Просто посмотрела на лес. И увидела розу.

Она лежала на ступеньке. Прямо у двери. Чёрная. Абсолютно чёрная. Лепестки были тёмными, как уголь. Стебель был гладким, без шипов. Роза была свежей. Она не могла лежать здесь долго. Она не могла быть здесь ночью, потому что ночью Анна смотрела на крыльцо. Она бы заметила. Значит, её положили утром. Пока она сидела на кухне. Пока смотрела в окно. Пока думала.

Анна наклонилась. Взяла розу. Она была холодной. Как лёд. Как что-то, что лежало в темноте очень долго. Она поднесла её к лицу. Запаха не было. Совсем. Чёрная роза не пахла ничем. Она была как дыра в реальности. Как что-то, чего не должно существовать.

Анна знала, от кого это. Она знала, что это значит. Это было не просто цветком. Это было сообщением. Посланием. «Я здесь. Я рядом. Я смотрю».

Она не закричала. Не заплакала. Не побежала в дом. Она просто стояла. Держала розу в руке. И смотрела на лес. Долго. Очень долго. Потом она вернулась в дом. Положила розу на стол. И села ждать.

Первым спустился Илья. Он выглядел так, будто не спал. Глаза были красными. Волосы растрёпаны. Он не смотрел на Анну. Прошёл на кухню. Взял чашку. Налил кофе. Сел напротив. И только тогда увидел розу.

— Что это? — спросил он.

— Он приходил, — сказала Анна.

Илья посмотрел на неё. Потом на розу. Потом снова на неё.

— Кто?

— Дмитрий.

Илья отставил чашку. Кофе плеснулся на стол. Он не заметил.

— Ты уверена?

— Да.

— Может, это ветром принесло? Может, она здесь росла? Может...

— Илья, — Анна перебила его. Голос был усталым. — Это чёрная роза. Здесь такие не растут. И она лежала на крыльце. Утром. Я вышла и увидела её. Он был здесь. Сегодня. Пока мы спали. Или не спали. Пока я сидела на кухне. Он был здесь.

Илья молчал. Он смотрел на розу. Потом на Анну. Потом снова на розу. Его лицо медленно менялось. Анна видела, как до него доходит. Как он понимает, что это не игра. Что это не сон. Что это происходит на самом деле.

— Я пойду проверю, — сказал он. Встал. Вышел на улицу. Анна слышала, как он ходит вокруг дома. Как открывает калитку. Как заглядывает за угол. Как возвращается. Он вошёл в дом. Лицо у него было белым.

— Следы, — сказал он. — На земле. У крыльца. Обувь. Большой размер. Мужские. Они ведут к дороге. И обрыва-

ются. Как будто он шёл, а потом исчез.

Александр спустился вниз через минуту. Он не спросил, что случилось. Он просто посмотрел на розу. Потом на Анну. Потом на Илью. И сел за стол.

— Он был здесь, — сказал Илья. Это был не вопрос.

— Да, — ответил Александр.

— Ты знал?

— Я предполагал.

— И что теперь?

Александр молчал. Он смотрел на розу. Долго. Потом взял её. Покрутил в руках. Положил обратно.

— Теперь мы готовимся, — сказал он. — Мы не можем оставаться здесь. Но и бежать бессмысленно. Он найдёт нас где угодно. Значит, нужно встретить его здесь. На наших условиях. На той земле, которую мы знаем.

— Ты хочешь драться? — спросил Илья. В его голосе было что-то новое. Что-то, что Анна не слышала раньше. Что-то похожее на решимость.

— Я хочу выжить, — ответил Александр. — И я хочу, чтобы вы выжили. Для этого нужно быть готовыми. Я научу вас. Обоих. Тому, что знаю сам. Тому, что успею передать. Это не сделает вас воинами. Но это даст вам шанс.

Анна смотрела на него. На его лицо. На его руки. На то, как он говорит. Спокойно. Ровно. Как человек, который знает, что делает. И она почувствовала что-то, чего не чувствовала раньше. Что-то, что было не страхом. Не отчаянием.

Что-то, что было похоже на благодарность. И на что-то ещё. На что-то, что она не хотела называть.

Илья смотрел на Александра. Долго. Анна видела, как он борется с собой. Как он хочет что-то сказать. Что-то резкое. Что-то, что поставило бы Александра на место. Но он не сказал. Он просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Научи.

Александр кивнул в ответ. Потом посмотрел на Анну. Их глаза встретились. И в этот момент Анна поняла, что Илья видит это. Видит, как она смотрит на Александра. Видит, как Александр смотрит на неё. Видит что-то, чего не должен видеть.

Она отвела взгляд. Слишком поздно. Илья уже всё понял. Он не сказал ничего. Он просто встал. Взял свою чашку. Пошёл на кухню. И закрыл за собой дверь.

Анна осталась за столом. С Александром. С розой. С тишиной.

— Он знает, — сказала она.

— Да.

— Что мне делать?

— Ничего.

— Но...

— Ничего, Анна. Пусть знает. Это его дело. Не твоё. И не моё.

Она посмотрела на него. В его глазах было что-то, что она не могла прочесть. Что-то, что было закрыто. Как дверь.

Как окно. Как дом, в который её не пускали.

— Ты злишься на меня, — сказала она.

— Нет.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Как?

— Как будто я что-то сломала.

Александр отвернулся. Посмотрел в окно. На лес. На тьму, которая там жила.

— Ты ничего не ломала, — сказал он тихо. — Ты просто не знаешь, что делать. И я не знаю. Мы оба не знаем. Это не твоя вина. И не моя. Это просто... так.

Анна хотела что-то сказать. Хотела сказать, что она запуталась. Что она не хотела причинять боль. Что она не знает, кого любит. Что она боится. Что она устала. Что она хочет, чтобы всё это закончилось. Но она не сказала ничего. Потому что слова были бесполезны. Потому что всё, что она могла сказать, было уже сказано. Или не сказано. Или сказано не то.

Она встала. Взяла розу. Подошла к мусорному ведру. Хотела выбросить. Но не смогла. Рука не разжалась. Она стояла так несколько секунд. Потом вернулась к столу. Положила розу обратно.

— Я оставлю её, — сказала она. — Пусть будет. Пусть напоминает.

— О чём? — спросил Александр.

— О том, что он рядом. О том, что мы не в безопасности.

О том, что нельзя расслабляться.

Александр кивнул. Он не сказал, что это глупо. Не сказал, что от розы нужно избавиться. Не сказал, что это опасно. Он просто кивнул. И это было хуже всего. Потому что это означало, что он согласен. Что он тоже думает, что они не в безопасности. Что он тоже боится.

Анна вышла из-за стола. Поднялась наверх. В свою комнату. Закрыла дверь. Села на кровать. Посмотрела на кулон. Сжала его в руке.

Она думала о том, что произошло ночью. О том, как она пришла к Александру. О том, как она хотела забыться. О том, как она использовала его. О том, как она ушла. О том, как она вернулась. О том, как она делала то же самое с Ильёй. О том, как она врал обоим. О том, как она врала себе.

Она думала о том, что будет дальше. О том, что Александр будет учить их. О том, что Илья узнает правду. О том, что Дмитрий вернётся. О том, что кто-то может умереть. О том, что она может умереть. О том, что она не знает, что хуже.

Она думала о том, что она не может выбрать. О том, что она не хочет выбирать. О том, что выбор означает потерю. О том, что она не готова терять. Никого.

Она лежала на кровати. Смотрела в потолок. И ждала. Чего-то. Кого-то. Может быть, Дмитрия. Может быть, Александра. Может быть, Илью. Может быть, себя. Того себя, которую она потеряла. Того себя, которая знала, что правильно. Того себя, которая не врала. Того себя, которая не спала

с двумя мужчинами в одну ночь. Того себя, которая не чувствовала себя грязной.

Но эта девушка не приходила. Её не было. Была только Анна. Та, которая лежала на кровати. Та, которая сжимала кулон. Та, которая не знала, что делать. Та, которая боялась. Та, которая хотела, чтобы кто-то другой решил всё за неё. Та, которая ненавидела себя за это.

Она закрыла глаза. И в темноте увидела лицо Дмитрия. Он улыбался. Он смотрел на неё. И она поняла, что он всегда смотрит. Даже когда его нет рядом. Даже когда его не видно. Он всегда там. За окном. За дверью. За стеной. Внутри неё. Внутри её головы.

Она открыла глаза. В комнате было пусто. Только она. Только кулон. Только тишина.

Она встала. Подошла к окну. Посмотрела на лес. Тёмный. Густой. Полный теней. И где-то там, между деревьями, ей снова показалось, что она видит что-то. Свет. Или не свет. Тень. Что-то, что двигалось. Что-то, что смотрело.

Она не отвернулась. Она смотрела в ответ. Долго. Пока глаза не начали болеть. Пока не стало казаться, что она видит лицо. Пока не стало казаться, что это лицо улыбается.

Она задернула штору. Резко. Так, что ткань дёрнулась и едва не порвалась. И отошла от окна. Села на кровать. Обхватила колени руками. И стала ждать. Утра. Дня. Александра. Илью. Дмитрия. Чего угодно. Только не этой тишины. Только не этого ожидания. Только не этой пустоты внут-

ри.

Но тишина не уходила. Ожидание не заканчивалось. Пустота не заполнялась. И Анна сидела. И ждала. И думала о том, что, может быть, Дмитрий прав. Может быть, от реальности нельзя убежать. Может быть, от себя нельзя убежать. Может быть, от выбора нельзя убежать. И, может быть, рано или поздно ей придётся выбрать. Даже если она не хочет. Даже если она боится. Даже если это убьёт кого-то. Даже если это убьёт её.

Она смотрела на дверь. Ждала, что кто-то войдёт. Александр. Или Илья. Или оба. Но никто не входил. И она оставалась одна. С кулоном. С розой внизу на столе. С лицом Дмитрия в темноте за закрытыми глазами. С собственным стыдом, который был тяжелее всего. Тяжелее страха. Тяжелее ожидания. Тяжелее одиночества.

Так закончилась первая ночь после того, как Дмитрий нашёл их. И так началось утро, которое должно было стать первым днём их подготовки к тому, что должно было случиться. Но пока это было только утро. Серое. Тихое. Полное несказанных слов. Полное невыплаканных слёз. Полное невыбранных выборов.

Анна встала. Подошла к двери. Положила руку на ручку. Постояла. Секунду. Две. Три. Потом открыла. И вышла. Потому что нельзя сидеть в комнате вечно. Потому что нельзя прятаться от тех, кто внизу. Потому что нельзя прятаться от себя.

Она спустилась по лестнице. Медленно. Ступенька за ступенькой. И с каждой ступенькой чувствовала, как что-то меняется. Как что-то внутри неё сжимается. Как что-то готовится. К чему-то. К разговору. К правде. К тому, что будет.

Она вошла в гостиную. Илья сидел на диване. Александр стоял у окна. Они не разговаривали. Они просто были. И когда она вошла, они оба посмотрели на неё. И в их взглядах было что-то одинаковое. Что-то, что она не хотела видеть. Что-то, что было похоже на вопрос. На ожидание. На требование.

Она посмотрела на них. На обоих. И поняла, что этот день будет длинным. Очень длинным. И что ночь, которая прошла, была не самой трудной. Самое трудное было впереди.

Что скрывает Александр

Анна стояла в дверях гостиной. Илья сидел на диване, откинувшись на спинку, и смотрел в потолок. Александр стоял у окна, спиной ко всем, и молчал. Тишина была такой плотной, что Анна слышала, как где-то на кухне капает вода. Кап. Кап. Кап. Она считала капли, чтобы не сойти с ума. Одна. Две. Три. Четыре. Пять.

Илья повернул голову. Посмотрел на неё. Долго. Так, как смотрят на человека, которого хотят понять, но не могут. Потом он встал. Медленно. Подошёл к ней. Остановился в шаге. Не ближе.

— Ты не спала, — сказал он. Это был не вопрос.

— Нет, — ответила Анна. Голос был хриплым, как будто она кричала всю ночь. Хотя она молчала.

— Я тоже, — сказал Илья.

Он посмотрел на Александра. Тот не обернулся. Продолжал смотреть в окно. На лес. На тьму, которая там жила. На что-то, чего не видели остальные.

— Нам нужно поговорить, — сказал Илья. Громче. Так, чтобы Александр услышал. — Всем троим. Сейчас. Потому что я больше не могу так. Я не могу сидеть в этом доме и ждать, пока что-то случится. Я не могу смотреть, как ты ходишь по комнатам, как призрак. Я не могу делать вид, что всё нормально. Потому что это не нормально. Ничего из это-

го не нормально.

Александр обернулся. Медленно. Его лицо было спокойным. Слишком спокойным. Как у человека, который давно смирился с тем, что должно произойти.

— Хорошо, — сказал он. — Давай поговорим. Но сначала сядь. Ты стоишь так, будто собираешься драться.

Илья не сел. Он остался стоять. Руки скрестил на груди. Сжал челюсть. Анна видела, как напряглись его плечи. Как он борется с собой. Как он хочет что-то сказать, но не может найти слов. Или не хочет их находить.

Анна прошла в комнату. Села на стул. Не на диван. На стул. Подальше от обоих. Чтобы не чувствовать их тепло. Чтобы не видеть их глаза. Чтобы не думать о том, что было ночью. О том, как она пришла к Александру. О том, как она пришла к Илье. О том, как она врала обоим. Молчанием. Прикосновениями. Взглядами.

Александр отошёл от окна. Сел в кресло. Напротив Анны. Не рядом. Не близко. Между ними было метров три. И это было правильно. Потому что если бы он сел ближе, Анна не знала, что бы она сделала. Заплакала. Или закричала. Или снова пришла бы к нему ночью.

Илья остался стоять. Он смотрел на них обоих. На Анну. На Александра. Потом снова на Анну. И в его взгляде было что-то, чего Анна не видела раньше. Что-то похожее на знание. На понимание. На боль, которую он пытался скрыть.

— Итак, — сказал он. — Я слушаю. Кто такой Дмитрий?

Кто такой ты? Что происходит с Анной? И почему я чувствую, что вы оба что-то от меня скрываете?

Александр молчал. Он смотрел на свои руки. На пальцы. На ладони. Как будто искал там ответ. Как будто хотел найти что-то, что можно было бы сказать. Но не находил.

— Ты не обязан мне ничего рассказывать, — продолжал Илья. — Я понимаю. Я здесь случайно. Я не часть этого. Но Анна... Анна — часть. И я не могу смотреть, как она мучается. Я не могу смотреть, как она не спит ночами. Я не могу смотреть, как она сжимает этот кулон, будто он её спасёт. Я хочу понять. Я хочу помочь. Но для этого мне нужно знать правду.

Александр поднял глаза. Посмотрел на Илью. Долго. Так, как смотрят на человека, которого уважают. Или жалеют. Или боятся. Анна не могла понять, что именно было в его взгляде. Слишком много всего. Слишком сложно.

— Ты прав, — сказал Александр. — Ты имеешь право знать. Но правда не сделает тебе легче. Она не сделает легче никому из нас. Она только всё усложнит.

— Я готов, — сказал Илья. — Я уже в этом. Я уже здесь. Я уже видел машину. Я уже видел следы. Я уже слышал, как Анна говорит, что Дмитрий не человек. Так что говори. Хватит загадок.

Александр вздохнул. Он посмотрел на Анну. Она отвела взгляд. Не хотела видеть то, что будет в его глазах. Не хотела знать, что он собирается сказать. Не хотела слышать правду.

Потому что правда означала, что всё это реально. Что это не сон. Что это не кошмар, от которого можно проснуться. Что это жизнь. Её жизнь. И она не могла её изменить.

— Дмитрий, — начал Александр. — Он был ангелом. Как я. Очень давно. До того, как всё началось. До того, как мир стал таким, какой он есть. Мы были по одну сторону. Мы были... друзьями. Насколько ангелы могут быть друзьями. Мы служили одному делу. Одной цели. Но потом что-то изменилось. Что-то пошло не так. И Дмитрий выбрал другой путь. Он выбрал тьму. Не потому, что его заставили. Не потому, что его обманули. Потому что он захотел. Потому что он решил, что тьма даст ему то, чего не дал свет. Власть. Свободу. Возможность брать, а не отдавать. Возможность быть тем, кем он хотел быть. А не тем, кем его сделали.

Илья слушал. Его лицо было напряжённым. Он не перебивал. Не задавал вопросов. Просто слушал. Как человек, который пытается поверить в то, во что невозможно поверить. Как человек, который хочет найти логику там, где логики нет.

— Ангелы не могут умереть, — продолжал Александр. — Но они могут пасть. И Дмитрий пал. Он стал тем, кем стал. Он перестал быть ангелом. Но он не стал демоном. Он стал чем-то другим. Чем-то, что не имеет названия. Чем-то, что живёт между светом и тьмой. Чем-то, что питается человеческими слабостями. Страхами. Желаниями. Он умеет видеть то, что люди скрывают. Он умеет использовать это.

Он умеет заставлять людей любить его. Доверять ему. Подчиняться ему. Это его дар. И его проклятие. Потому что он не может остановиться. Он не может насытиться. Ему всегда нужно больше. Больше душ. Больше власти. Больше любви. И когда он находит кого-то, кто может дать ему это... он не отпускает. Никогда.

Анна слушала. И с каждым словом Александра что-то внутри неё сжималось. Что-то, что было страхом. Что-то, что было пониманием. Что-то, что было ужасом. Она вспомнила дом Дмитрия. Пустые комнаты. Мерцающий свет. Его глаза. Его голос. Его слова. «Я умею внушать любовь». Она вспомнила, как он смотрел на неё. Как он говорил с ней. Как он касался её руки. И она поняла, что всё это было не случайно. Всё это было частью его игры. Его охоты. Его голода.

— Но при чём здесь Анна? — спросил Илья. — Почему он охотится за ней? Что в ней такого?

Александр посмотрел на Анну. Она не подняла глаз. Не хотела видеть его взгляд. Не хотела знать, что он думает. Не хотела слышать ответ на этот вопрос.

— Анна... — начал Александр. — Анна — не обычный человек. Она — сосуд света. Это редкость. Очень большая редкость. Такие люди рождаются раз в несколько поколений. Они несут в себе свет. Не тот свет, который можно увидеть. Другой. Тот, который внутри. Тот, который нельзя купить. Нельзя украсть. Нельзя отнять. Но можно использовать. Если Дмитрий получит Анну, он получит доступ к этому све-

ту. Он сможет использовать его для своих целей. Он сможет стать сильнее. Намного сильнее. Он сможет стать непобедимым.

Илья молчал. Он смотрел на Анну. Долго. Так, как будто видел её впервые. Как будто пытался понять, что в ней такого. Что делает её особенной. Что делает её целью. Что делает её центром всего этого кошмара.

— Ты знал это с самого начала? — спросил Илья. — Когда ты появился в её жизни? Когда ты пришёл в кафе? Ты знал, кто она?

Александр не ответил сразу. Он смотрел в сторону. На стену. На что-то, что было за стеной. Чего не было видно.

— Я знал, что она важна, — сказал он наконец. — Я знал, что она может быть целью. Я знал, что должен защищать её. Но я не знал... я не знал, что всё будет так. Я не знал, что она станет для меня... что она станет...

Он замолчал. Не договорил. Анна слышала, как он не договорил. И она знала, что он хотел сказать. И она знала, что он не скажет. Потому что не мог. Потому что не имел права. Потому что это было бы слишком.

— Что она станет для тебя? — спросил Илья. Голос был ровным. Но в нём чувствовалась сталь.

Александр посмотрел на него. Прямо. Открыто. Так, как смотрят, когда говорят правду. Даже если эта правда ранит.

— Важной, — сказал он. — Она стала для меня важной. Не как цель. Не как задача. Как человек. Как... я не знаю.

Как кто-то, кого я не хочу потерять.

Илья кивнул. Медленно. Он не выглядел удивлённым. Он не выглядел злым. Он выглядел так, будто услышал то, что уже знал. Что уже чувствовал. Что уже видел. В том, как Александр смотрит на Анну. В том, как он говорит о ней. В том, как он защищает её. Не как телохранитель. Как мужчина.

— Я понял, — сказал Илья. — Ты любишь её.

Александр не ответил. Он просто смотрел на Илью. Долго. Потом отвёл взгляд. Посмотрел на Анну. Она сидела на стуле. Сжавшись. Маленькая. Бледная. С кулоном в руке. И она смотрела на него. Впервые за всё утро. И в её глазах было что-то, что заставило его сердце сжаться. Что-то похожее на страх. На вопрос. На вину.

— Я не должен был говорить это, — сказал Александр. — Я не должен был...

— Нет, — перебил его Илья. — Ты должен был. Я должен был знать. Она должна была знать. Теперь мы все знаем. И теперь мы можем решить, что делать дальше. Потому что это не только твоя проблема. Не только её проблема. Это наша проблема. Всех троих. Потому что мы все в этом. Хотим мы того или нет.

Анна встала. Медленно. Она не смотрела ни на кого. Она просто встала. Прошла мимо Ильи. Мимо Александра. И вышла из гостиной. Она не сказала ни слова. Потому что не могла. Потому что слова были бесполезны. Потому что всё,

что она могла сказать, было уже сказано. Кем-то другим. Не ею.

Она поднялась наверх. В свою комнату. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Сползла вниз. Села на пол. Обхватила колени руками. И стала смотреть в стену. Просто смотреть. Ни о чём не думать. Ничего не чувствовать. Просто быть. Просто дышать. Просто существовать.

Но мысли не уходили. Они приходили. Одна за другой. Как волны. Как удары. Как что-то, от чего нельзя спрятаться. Она думала о том, что сказал Александр. О том, что она — сосуд света. О том, что Дмитрий охотится за ней. О том, что он хочет использовать её. О том, что он не отступит. О том, что он никогда не отпустит. Она думала о том, что Александр знал это. Что он знал с самого начала. Что он скрывал это от неё. Что он говорил ей не всё. Что он играл с ней. Что он использовал её. Так же, как Дмитрий. Только по-другому. Только мягче. Только с любовью. Но использовал. Она думала о том, что Илья теперь знает. Что он видел. Что он понял. Что он, наверное, ненавидит её. Или жалеет. Или и то, и другое. Она думала о том, что она врала обоим. Что она спала с обоими. Что она делала это, чтобы забыться. Чтобы не думать. Чтобы не чувствовать. Чтобы не быть собой. Она думала о том, что она грязная. Что она не заслуживает ни одного из них. Что она не заслуживает ничего хорошего. Что она заслуживает только то, что с ней происходит. Только страх. Только боль. Только пустоту.

Она сидела на полу долго. Очень долго. Солнце за окном поднималось. Свет менялся. Из серого становился жёлтым. Потом белым. Потом снова серым. День шёл. А она сидела. И ничего не делала. И ничего не хотела. И ничего не ждала.

Потом она услышала шаги. На лестнице. Медленные. Тяжёлые. Кто-то поднимался. Она не знала кто. Может быть, Илья. Может быть, Александр. Может быть, никто. Может быть, ей показалось. Шаги остановились у её двери. Она слышала дыхание. Чужое дыхание. Она слышала, как человек стоит с той стороны. Долго. Не решается. Потом шаги удалились. Дверь в соседнюю комнату открылась. Закрылась. И снова стало тихо.

Анна встала. Медленно. Как старуха. Как человек, который не спал несколько дней. Как человек, который устал. Она подошла к кровати. Легла. Закрыла глаза. И попыталась не думать. Не думать о Дмитриии. Не думать об Александре. Не думать об Илье. Не думать о себе. Не думать ни о чём. Просто лежать. Просто дышать. Просто быть.

Но это не помогало. Мысли возвращались. Круг за кругом. Как карусель. Как что-то, что нельзя остановить. Она думала о том, что сказал Александр. О том, что она — сосуд света. О том, что она не обычная. О том, что она важна. Не как человек. Как вещь. Как инструмент. Как то, что можно использовать. Она думала о том, что вся её жизнь была ложью. Что она думала, что живёт своей жизнью. Что она думала, что выбирает сама. Что она думала, что она — это она.

А на самом деле она была просто... сосудом. Просто вместилищем. Просто чем-то, что не принадлежит себе. Она думала о том, что Дмитрий смотрел на неё не как на женщину. Как на приз. Как на трофей. Как на что-то, что можно взять. И Александр смотрел на неё не как на женщину. Как на задачу. Как на миссию. Как на что-то, что нужно защищать. Но не как на равную. Не как на ту, кто может решать. Не как на ту, кто может выбирать. Она думала о том, что её никто не спрашивал. Никто не спрашивал, чего она хочет. Никто не спрашивал, что она чувствует. Никто не спрашивал, готова ли она. Никто. Ни Дмитрий. Ни Александр. Ни даже Илья. Все просто... делали. Говорили. Решали. За неё. Для неё. Вместо неё. Она думала о том, что она устала. Что она больше не хочет. Что она хочет, чтобы всё это закончилось. Чтобы всё это исчезло. Чтобы она проснулась в своей старой квартире. В своей старой жизни. Где не было Дмитрия. Где не было Александра. Где не было Ильи. Где не было ничего. Только она. Только тишина. Только покой.

Она открыла глаза. В комнате было темно. Она не заметила, как стемнело. Она не заметила, как прошёл день. Она просто лежала. И время шло. Без неё. Мимо неё.

Она встала. Подошла к двери. Открыла. Вышла в коридор. В доме было тихо. Свет горел только внизу. На кухне. Она спустилась. Медленно. Ступенька за ступенькой. Она не знала, зачем идёт. Не знала, что хочет найти. Не знала, что хочет сказать. Она просто шла. Потому что не могла больше

сидеть в комнате. Потому что не могла больше быть одна. Потому что не могла больше думать.

На кухне был Александр. Он сидел за столом. Перед ним стояла чашка чая. Она была полной. Он не пил. Просто смотрел на неё. На пар, который поднимался вверх. На что-то, что было в чашке. На что-то, что было в нём.

Он поднял глаза. Увидел Анну. Встал. Медленно. Так, как будто боялся её напугать. Так, как будто она была чем-то хрупким. Чем-то, что можно сломать.

— Ты не спала, — сказал он. Это был не вопрос. Как и у Ильи утром. Как и у всех. Как и всегда.

— Нет, — ответила Анна. Голос был тихим. Почти шёпотом.

— Я тоже, — сказал Александр.

Они стояли. Друг напротив друга. Между ними был стол. Чашка чая. Пар. Тишина. И что-то ещё. Что-то, что было больше, чем тишина. Что-то, что было между ними. Что-то, что они оба чувствовали. Но не говорили.

Анна сделала шаг. Потом ещё один. Обогнула стол. Остановилась рядом с ним. Близко. Очень близко. Так близко, что чувствовала его запах. Запах дерева. Запах дыма. Запах чего-то, что было только его. Она подняла руку. Коснулась его груди. Пальцами. Легко. Как будто проверяла, настоящий ли он. Как будто проверяла, живой ли он.

Александр не отстранился. Не оттолкнул. Не сказал ни слова. Он просто стоял. Смотрел на неё. И в его глазах было

что-то, что Анна не могла прочитать. Что-то, что было похоже на боль. На желание. На страх. На всё сразу.

— Я не хочу думать, — сказала Анна. Шёпотом. Едва слышно. — Я не могу больше думать. Я не могу больше быть одна. Я не могу...

Она не договорила. Просто прижалась к нему. Лицом к его груди. Руками обвила его. Сжала. Так, как будто он был единственным, что держало её на земле. Как будто если она отпустит, она упадёт. В темноту. В пустоту. В никуда.

Александр обнял её. Медленно. Осторожно. Как будто боялся, что она исчезнет. Как будто боялся, что она рассыплется. Его руки легли ей на спину. Тепло. Тяжело. Надёжно. Он не говорил. Не спрашивал. Просто держал. Просто был. Просто рядом.

Анна подняла голову. Посмотрела на него. В его глаза. В его лицо. В его молчание. И в этом молчании она увидела всё, что он не говорил. Всё, что он не мог сказать. Всё, что он скрывал. Всё, что он хотел. Она увидела, что он тоже устал. Что он тоже боится. Что он тоже не знает, что делать. Что он тоже запутался. Что он тоже один. Даже рядом с ней. Даже с ней. Даже в этом доме. Даже в этом мире.

Она потянулась к нему. Губами. К его губам. И поцеловала его. Нежно. Не страстно. Просто. Как что-то, что нужно сделать. Как что-то, что должно произойти. Как что-то, что было неизбежно.

Александр ответил. Не сразу. Через секунду. Через две.

Через три. Как будто боролся с собой. Как будто решал, можно ли. Как будто спрашивал, правильно ли это. Но ответил. Потому что не мог не ответить. Потому что хотел. Потому что тоже хотел забыться. Также хотел не думать. Также хотел не быть один.

Они не пошли в спальню. Не дошли. Остались на кухне. На полу. На холодном кафеле. Анна не помнила, как оказалась там. Не помнила, как сняла с него футболку. Не помнила, как он снял с неё. Не помнила, как всё началось. Помнила только ощущения. Его руки. Его губы. Его тело. Тяжесть. Тепло. Движение. И тишину. Внутри. В голове. Впервые за долгое время. Тишину. Пустоту. Ничего. Ни мыслей. Ни страха. Ни вины. Просто... ничего. Просто онемение. Просто пауза. Просто передышка.

Она не чувствовала удовольствия. Не чувствовала страсти. Не чувствовала ничего. Только его. Только его тело. Только его дыхание. Только его руки. Только его. И это было всё, что ей было нужно. Не любовь. Не нежность. Не слова. Просто кто-то. Просто тепло. Просто рядом. Просто чтобы не быть одной. Просто чтобы не думать. Просто чтобы не помнить. Просто чтобы не чувствовать.

Александр не говорил. Не спрашивал. Не останавливался. Он просто был. Просто делал. Просто отвечал. Как будто тоже хотел забыться. Как будто тоже хотел не думать. Как будто тоже хотел не быть один. Как будто тоже хотел онеметь. Как будто тоже хотел паузу. Как будто тоже хотел передыш-

ку. Как будто тоже хотел ничего.

Когда всё закончилось, они лежали на полу. Рядом. Не касаясь друг друга. Смотрели в потолок. Молчали. Дышали. Просто дышали. Просто были. Просто существовали.

Анна встала первой. Медленно. Она не смотрела на него. Не хотела видеть его лицо. Не хотела знать, что он чувствует. Не хотела знать, что он думает. Она просто встала. Подняла с пола свою рубашку. Надела. Пошла к двери. Остановилась. Обернулась. Посмотрела на него. Один раз. Коротко. Он лежал на полу. Смотрел на неё. И в его глазах было что-то, что она не хотела видеть. Что-то похожее на боль. На вину. На стыд. На то же, что было в ней. На то же, что было в ней всегда.

Она ничего не сказала. Не попрощалась. Не извинилась. Не объяснила. Просто вышла. Поднялась наверх. В свою комнату. Закрyla дверь. И села на пол. Прислонилась спиной к кровати. Обхватила колени руками. И стала смотреть в стену. Просто смотреть. Ни о чём не думать. Ничего не чувствовать. Просто быть.

Она просидела так до утра. Не спала. Не двигалась. Просто сидела. И ждала. Чего-то. Кого-то. Может быть, рассвета. Может быть, смерти. Может быть, ничего. Может быть, всего сразу.

Она не смотрела в зеркало. Не хотела видеть своё лицо. Не хотела видеть свои глаза. Не хотела видеть человека, которым стала. Потому что этот человек ей не нравился. По-

тому что этот человек был ей противен. Потому что этот человек был не она. Или, может быть, она. Такая, какая есть. Такая, какой стала. Такая, какой боялась быть.

Утро пришло. Свет за окном стал серым. Потом жёлтым. Потом белым. Анна слышала, как внизу кто-то ходит. Как открывается дверь. Как закрывается. Как кто-то выходит на улицу. Как кто-то возвращается. Она не вставала. Не выходила. Не хотела. Не могла. Просто сидела. Просто смотрела в стену. Просто ждала.

Она знала, что рано или поздно придётся встать. Придётся выйти. Придётся посмотреть им в глаза. Придётся что-то сказать. Придётся что-то сделать. Придётся жить дальше. Но не сейчас. Не сегодня. Сегодня она просто сидела. Сегодня она просто была. Сегодня она просто существовала.

И где-то глубоко внутри, в самой тёмной части себя, она знала, что это не конец. Что это только начало. Что самое трудное ещё впереди. Что ей придётся выбрать. Что ей придётся заплатить. Что ей придётся потерять. И она боялась. Боялась больше, чем Дмитрия. Боялась больше, чем тьмы. Боялась больше, чем смерти. Боялась себя. Боялась того, что она может сделать. Боялась того, кем она может стать. Боялась того, что она уже стала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.